

ВОПРОСЫ ЭТНОГЕНЕЗА

А. П. ОКЛАДНИКОВ

К ИЗУЧЕНИЮ НАЧАЛЬНЫХ ЭТАПОВ ФОРМИРОВАНИЯ НАРОДОВ СИБИРИ

(Население Прибайкалья в неолите и раннем бронзовом веке)

Сторонники реакционной культурно-исторической школы, пропагандируя идею так называемой эйкуменальной культуры, приложили не мало труда для того, чтобы изобразить населяющие СССР народы как народы без собственного исторического прошлого, без собственной самобытной культуры. Этими измышлениями сейчас широко пользуются американские поджигатели новой войны против СССР и стран народной демократии.

Советские историки, этнографы и археологи своими исследованиями на основе разнообразного фактического материала успешно опровергают эту злостную клевету. Они достигли уже блестящих и выдающихся результатов в области, например, истории древней Руси, истории народов Средней Азии.

По тому же пути пошли, разумеется, и исследователи прошлого народов азиатского Севера. Одним из первых таких опытов была, в частности, попытка автора настоящей статьи, предпринятая еще в 1934—1938 гг., установить связь между древнейшим населением Прибайкалья и Амурского бассейна, с одной стороны, и современным населением этих территорий, т. е. с современными эвенками Прибайкалья и племенами советского Дальнего Востока — нивхами, ульчами нанайцами, айнами, — с другой¹. То обстоятельство, что в данном случае речь идет не о близких к нам временах, а о каменном веке, (III—II тысячелетиях до н. э., не могло, конечно, иметь принципиального значения и не должно было служить препятствием для постановки этой проблемы, ибо, как и всякая другая конкретно-историческая проблема она решается в зависимости от бесконечно разнообразных конкретных условий.

Хорошо известно, например, что исследованиями неолитических памятников Северного Китая с полной убедительностью была доказана прямая связь неолитической культуры Яншао с современными китайцами и их культурой. Изучая эти памятники, исследователи наглядно показали, что в антропологическом отношении современные китайцы очень близки к неолитическому населению Северного Китая и что национальная культура их уходит своими корнями в культуру Яншао. В резул

¹ А. П. Окладников, Археологические данные о древнейшей истории Прибайкалья. «Вестник древней истории», 1 (2), 1938.

тате соединенных усилий советских исследователей оказалось, что примерно так же обстоит дело и в Прибайкалье, где имеется не меньше оснований для сближения носителей древней культуры с их потомками в современности, в культуре которых можно обнаружить отчетливые признаки родства с культурой неолита и ранних этапов бронзового века.

В настоящее время мы располагаем рядом новых существенных фактов, не только усиливающих и дополняющих этот общий вывод, но и настолько расширяющих наши представления о древнейших этнических взаимоотношениях в Сибири, что это обстоятельство дает право снова вернуться к этой старой теме с тем, чтобы суммировать старые факты с новыми и заново подвести общие итоги, относящиеся к наиболее изученной в этом отношении области — Прибайкалью.

В конце ледникового времени и в начале послеледниковой эпохи на колоссальных по протяжению территориях Центральной и Северной Азии к востоку от Урала, от Алтая и до Амура, от центральной Якутии до Северного Китая существовала удивительно единообразная в ее общих чертах культура позднепалеолитических племен, резко отличная от других больших культур этого времени в Старом Свете. Повсюду здесь существовал один и тот же уклад жизни бродячих и полубродячих охотничьих племен, повсюду люди жили в надземных жилищах типа шалаша или чума. Везде на этих пространствах они выделяли свои орудия одними и теми же хорошо знакомыми нам, стандартными для Сибири и Центральной Азии, приемами — из расколотых одним поперечным ударом речных галек. Везде эти орудия имеют своеобразный «мустьерский» облик и обязательно сопровождаются изделиями верхнепалеолитических типов. Даже более того, повсюду, где это было возможно, позднепалеолитические обитатели Сибири выделяли свои крупные каменные изделия из одних и тех же видов каменного сырья: из зелёнокаменных яшмовидных пород и кварцитов — на Енисее, Ангаре и Лене, или из тех же зеленых яшм, кварцита и черных пород типа лидита — на Селенге и в монгольских степях, вплоть до Ордоса и Тибета. Наконец, повсюду в это время исчезает высокое и своеобразное искусство предшествовавшей стадии верхнего палеолита.

Но вот наступает новое время, отмеченное возникновением современных ландшафтных условий. Сплошным широтным поясом протянулась от Тихого океана и до Балтики лесная зона — безграничная полоса таежных лесов. Вдоль берегов Ледовитого океана вырастает полоса тундры и лесотундры, а по ту сторону лесных массивов — пояс степей, пустынь и полупустынь Центральной Азии. В этих новых естественно-географических условиях одновременно наступает конец и былому единообразию хозяйственного уклада, образа жизни и всей культуры древнейшего населения Сибири и советского Дальнего Востока.

В настоящее время можно достаточно уверенно и надежно констатировать для неолитического времени (включая сюда и ранние стадии бронзового века), т. е. в конце III и начале II тысячелетий до н. э., в лесной зоне и лесотундре Северной Азии, по крайней мере, шесть больших хозяйственно-культурных областей, в каждой из которых жизнь местного населения и развитие его культуры идут собственным, своеобразным путем, проходят свои собственные культурно-хронологические этапы, стадии.

Первая такая область нам уже хорошо известна. Это — собственно Прибайкалье, территория, охватывающая узкую полосу вдоль озера Байкала на юго-востоке, все верхнее течение Лены до Витима на северо-востоке, всю долину Ангары — до Енисея и, вероятно, часть смежной территории, занятой бассейнами Верхней и Средней Тунгусок на западе. Экономической основой жизни населения этой области в соответствии с естественно-географическими ее условиями издавна была охота на таежных животных, главным образом на лося и косулю, с течением

времени все более и более дополняемая рыболовством и собирательством.

Культурное единство населения этой области прослеживается на всем протяжении основных хронологических стадий прибайкальского неолита и ранней бронзы — исаковской, серовской, китойской и глазковской. Наиболее отчетливо, в самом концентрированном виде, своеобразные черты этой культуры выражены в основной, центральной, ее области, между Иркутском и Братском — в долине Ангары, между Качугом и Жигалово — на Лене.

Вплоть до недавнего времени в литературе было широко распространено мнение о полном отсутствии какой-либо генетической связи между носителем этой древней культуры — неолитическим — и современным населением Прибайкалья. Напомню, что, по мнению В. И. Огородникова, автора первого и пока единственного общего университетского курса истории Сибири, включающего ее древнейшее прошлое, в конце ледникового периода северную часть Европы и Азии занимали народы «длинноголовой расы», обитавшие здесь до самого конца неолитического периода. «Между тем, в очень ранние времена во внутренней Азии образовалась короткоголовая раса, которая на протяжении ряда веков заселила обширные пространства этой части света и большую часть Европы. Короткоголовые принесли с собой на новые места начатки высшей культуры, которая основывалась на возделывании земли плугом и на скотоводстве; они знакомы были также с медью, бронзой и золотом и умели обрабатывать их. Главными средоточиями этой культуры в глубокой древности были Китай и Вавилония. Короткоголовые носители меднобронзовой культуры направились затем двумя потоками за пределы своей родины. Один из этих потоков проник на юг Сибири, оттуда на Алтай и в Саяны. Короткоголовые пришельцы ассимилировали культурно-отсталых долихоцефалов каменного века. Каменному веку и охотничье-рыболовческой культуре длинноголовых людей был положен конец»². В этих рассуждениях, разумеется, не было никакой оригинальной основы. Они лишь повторяли старую и общеизвестную вульгарно-миграционистскую теорию западноевропейских ученых о вторжении азиатских брахицефалов в Европу и о смене ими первоначального длинноголового населения этой части Старого Света в неолите и бронзовом веке.

Разделяя в принципе мнение о коренной, почти мгновенной, смене древнего населения и его культуры вследствие прихода новой «короткоголовой расы», другие сибирские исследователи, на этот раз уже не историки, а археологи, утверждали, однако, что в Восточной Сибири, куда не проникли овладевшие степями Западной Сибири короткоголовые носители бронзовой культуры, такая этническая катастрофа совершилась позднее, лишь в эпоху железа. Обоснованием таких взглядов был якобы установленный археологами «хиатус» между неолитом и железным веком, т. е. отсутствие в таежных областях памятников настоящей бронзовой культуры и прямых потомков длинноголовых неолитических людей среди современных жителей Прибайкалья.

Было бы, впрочем, совершенно напрасной и излишней тратой времени углубляться в историю всех этих заблуждений, в темный лабиринт различных вульгарно-миграционистских концепций, где легкомысленные домыслы и фантастика должны были восполнять отсутствие реальных сведений о древнейшей истории Сибири. Следует поэтому прямо обратиться к фактам, как они даны новейшими исследованиями, выполненными в наше советское время и нашими советскими учеными.

Изучение черепов из неолитических погребений Прибайкалья привело Г. Ф. Дебеца уже в 1929—1930 гг. к неожиданному выводу, что один

² В. И. Огородников, Очерки истории Сибири до начала XIX в., вып. 1, Иркутск, 1920.

из выделенных им антропологических типов неолитического населения Прибайкалья, условно обозначенный литерой А, обладает и теперь «этногеографической реальностью в полной мере». Он писал тогда: «Тип, условно названный типом А, ближе всего стоит к черепам раннего железного периода Забайкалья и современным тунгусам Северного Байкала. Я называю этот тип байкальским, он в общем схож с уральским типом Бунака и с эскимосским. Правильнее, однако, выделить те и другие в особые типы палеосибирского варианта (расы). Такое наименование мне представляется наиболее удобным, принимая во внимание широкое распространение этого варианта (расы) среди совершенно различных лингвистических групп, разорванность ареала его распространения, имеющего вид островков, лежащих в стороне от путей позднейшей урало-алтайской колонизации. Возможно, что североамериканский (эскимосский) тип придется выделить в особый вариант (расу). Представляется достаточно ясным, что весь палеосибирский вариант (раса) относится к числу монголоидных. Он обладает всеми диагностическими признаками монголоидного черепа, к числу которых относится высокое и широкое плоское лицо, слабо выступающий нос с узкими носовыми костями и высокие орбиты»³.

В распоряжении Г. Ф. Дебеца в то время не было еще необходимого сравнительного материала по черепам эвенков и других племен Сибири. Он имел данные только о четырех тунгусских черепах с севера Байкала. В последующей работе Я. Я. Рогинского был вскоре опубликован единственный в своем роде антропологический материал, собранный в 1927 г. экспедицией Института антропологии И МГУ и Центрального музея народоведения на северном побережье Байкала среди эвенков Киндигирского, Чильчагирского и Шемагирского родов. Материалы Рогинского целиком подтвердили правильность сближения типа А прибайкальского неолита, с одной стороны, и современных эвенков и манси, с другой. Рогинский пришел далее к выводу, что «байкальская раса имеет большую древность, чем существующие ныне этнические и языковые подразделения Северной Азии, что она нигде не приходила, но образовалась на обширном пространстве лесной Сибири»⁴.

В своей новейшей сводной работе по палеоантропологии СССР Г. Ф. Дебеч в дополнение к прежним своим работам устанавливает, что наряду с палеосибирским типом А, распространенным в верхнем течении Ангары и Лены, идентичным типу прибайкальских тунгусов, и смешанным монголоидно-европеидным типом («тип В—D» прежних его работ) в населении Прибайкалья эпохи неолита и ранней бронзы выделяется также третий, эскимоидный, тип, распространенный главным образом в среднем течении Ангары, где нет европеидной примеси. При этом как палеосибирский, так и эскимоидный типы, по его словам, одинаково представляют лишь местные варианты одной и той же расы, в то время как европеидный тип связан скорее всего с европеидным населением, обитавшим в древности к западу от Енисея⁵.

Антропологические данные, свидетельствующие о том, что основной антропологический тип древнего населения Прибайкалья до настоящего времени в неизменном или в почти неизменном виде сохраняется на этой территории у прибайкальских тунгусов, имеют исключительную ценность с чисто исторической точки зрения.

³ Г. Ф. Дебеч, Антропологический состав населения Прибайкалья в эпоху неолита, «Русский антропол. журн.», т. 19, вып. 1—2, 1930; его же; Проблема заселения северо-западной Сибири по данным палеоантропологии, «Краткие сообщения ИИМК», IX, 1941, стр. 15.

⁴ Я. Я. Рогинский, Материалы по антропологии тунгусов Северного Прибайкалья, «Антропол. журн.», 1934, № 3.

⁵ Г. Ф. Дебеч, Палеоантропология СССР, Труды Института этнографии, Новая серия, т. IV, М.—Л., 1948, стр. 58—59, 328—329.

Как справедливо констатирует тот же Г. Ф. Дебел, «исследования расовых признаков не обнаруживает прямой связи с уровнем развития культуры» и вообще любая «специфическая форма носки или украшения керамики или какого-либо украшения не связана с формой черепка не непосредственно, ни через посредство каких-либо социально-экономических факторов»⁶. Это

Рис. 1. Человек глазковской стадии. Реконструкция М. М. Герасимова по черепу из Хабсагаевского могильника. Верхняя Лена

бесспорное обстоятельство открывает драгоценную возможность сопоставить два отдельных, независимых друг от друга, ряда источников, взаимно подтверждающих и закрепляющих друг друга, — биологических, т. е. антропологических, с одной стороны, и исторических, т. е. этнографических, — с другой.

В самом деле, если в культуре современных тунгусских племен найдутся какие-либо общие черты с культурой древнего населения Прибайкалья, то при наличии их антропологической близости это будет означать, что факт прямого генетического родства между современными и неолитическим населением Прибайкалья действительно является «этногеографической реальностью», т. е., гово-

ря иными словами, что современные тунгусы и на самом деле устойчиво сохранили как черты характерного физического облика, так и самобытной культуры своих предков, проживавших на той же территории несколько тысяч лет назад.

Обращаясь поэтому от антропологических фактов к археологическим и этнографическим материалам, мы действительно можем наглядно убедиться в справедливости таких предположений и даже в большей степени, чем на это можно было рассчитывать с первого взгляда. Начнем с такого выразительного в этнографическом отношении элемента материальной культуры, являющегося одним из самых надежных признаков этнической диагностики, как одежда с ее характерным покроем и специфическими украшениями.

Археологические находки на Лене (Хабсагаевский могильник) и Селенге (Фофаново) и в долине Ангары (падь Нохой, Ленковка и другие могильники) дают представление не только о составе украшений бытовавших в энеолите, но и о характере одежды в целом, так как

⁶ Там же, стр. 325.

десятки и сотни перламутровых бус, кружки из нефрита, грушевидные бусы из клыков оленя и прочие украшения сохраняют в могиле свое первоначальное положение. Судя по их расположению, самой характерной деталью одежды был передник или нагрудник, расшитый и унизанный кружочками из раковин или камня. В Фофановском могильнике такой передник, например, представлял собой сплошную широкую полосу из блестящих перламутровых бус, спускавшуюся от шеи до бедер. В пади Нохой и в других могильниках нагрудник имел вид более узкой полосы, покрывавшей позвоночник погребенного и расширявшейся на тазовых костях.

Такой нагрудник или передник — непременная принадлежность древнего тунгусского костюма. Он всегда дополняет собой тунгусский «фрак» со свойственным последнему разрезом спереди⁷. Путешественники XVIII в. оставили как описания, так и рисунки старинной тунгусской одежды — кафтана или «фрака» с нагрудником. «Поелику верхнее платье, которое впереди не совсем сходится, то привешивают они по большей части красиво выстроченный и корольками или раздувающимся крашеным волосом конским или козьим выложенной нагрудник, который вверху в ладонь, а внизу в пядень, достает до половину лядвей и держится около шеи на веревочке»⁸, — писал, например, Георгий о тунгусском нагруднике, размеры которого и украшения («корольки») соответствуют древним энеолитическим нагрудникам с украшающими их бусами из перламутра.

Одежда энеолитических обитателей Прибайкалья имела, следовательно, тот же покрой, что и национальная одежда современных эвенков, столь резко отличающая их от степняков-бурят, от оленеводческих племен тундры и «сидячих» приморских жителей Северо-восточной Сибири.

Головной убор энеолитического времени также нетрудно представить себе по расположению украшавших его бусинок и кружков из камня в погребениях. Он обычно имеет вид «диадемы», охватывающей лоб или темя от виска до виска одной узкой сплошной полоской. В большинстве случаев нефритовые кружки и медные кольца оказываются у черепа, часто под ним; во многих случаях — в глазных впадинах, куда они сползали со лба и с темени. В пади Ленковка четыре круглых кружка из нефрита, симметрично расположенные на лбу, на затылке и по вискам, украшали головной убор; через все темя от виска и до виска узкой двойной полоской тянулись перламутровые бусы.

И этот головной убор тоже вполне разъясняется этнографическими параллелями из быта эвенков. «Диадема» из бус окаймляла в этих случаях помещающийся над глазом и лбом передний край обычной эвенкийской меховой шапочки или темя, как в погребении из пади Ленковка. В белых нефритовых кружках следует видеть не фантастическое кольцо для продевания косы, как думали раньше, а прототип серебряных бляшек, украшавших тунгусские шапочки еще в XVII—XVIII вв. и являвшихся собственными изделиями тунгусских мастеров, которые делали тогда эти кружки-бляшки из привозимого к ним китайского серебра или иногда из олова⁹.

⁷ См. Г. М. Василевич, Тунгусский нагрудник у народов Сибири, Сборник Музея антропологии и этнографии АН СССР, XI, 1949.

⁸ И. Г. Георгий, Описание всех обитающих в Российском государстве народов, часть третья. О народах самоедских, манджурских и восточных сибирских, как и о шаманском законе, СПб., 1799, стр. 44.

⁹ О серебряных и оловянных кольцах и кругах, украшавших тунгусские костюмы в XVII—XVIII вв., см.: «Колониальная политика Московского государства в XVII в.», Сборник архивных материалов, JL., 1936; «Образ жизни тунгусов и коряков, живших в Иркутской губернии в 1766 г., из ведомости, присланной в Сенат

Как и современные эвенки, древние жители Прибайкалья украшали свою меховую обувь нашитыми на нее бусами, но не из бисера, не стеклянными, а из тех же перламутровых и каменных кружков.

Исключительно интересен костюм «шаманки» из погребения № 3 в Усть-Уде. На голове у нее была традиционная «диадема» из клыков ма-

Рис. 2. Справа—скелет мужчины из Ленковки (Ангара). Слева—реконструкция одежды по этому скелету, выполненная В. Д. Запорожской

рала, обрамлявшая шапочку, и нефритовое кольцо, находившееся посередине диадемы; на ее груди располагались каменные кружки и кольца, представлявшие собой украшения обычного передника, а поверх последнего лежали рядом два резных антропоморфных изображения из мамонтовой кости (такое же, но миниатюрное изображение обнаружено было около Братска при детском костяке).

Георги писал о тунгусских нагрудниках, что тунгусы «благоговейно и суеверно носят на таковых нагрудниках, а летом просто на груди — жестяного идола во образе человека, зверя или птицы, и уповают на

его покровительство, ожидают от него счастья в зверином промысле»¹⁰. Приложенный к труду Георги рисунок тунгуса в полном охотничьем вооружении и в праздничном костюме дает представление о таких антропоморфных фигурках, носимых древними тунгусами на нагрудниках.

Отмеченные элементы костюма: фрак с нагрудником, шапка и унты, характерные украшения — кольца и круги, нагрудные изображения — «хранители», имеют, следовательно, важное значение как надежное средство для распознавания этнической принадлежности древних жителей

Рис. 3. Справа—скелет женщины из Усть-Удинского могильника (Ангара), глазковской стадии. Слева—реконструкция одежды этого скелета, выполненная В. Д. Запорожской

Прибайкалья. Но, кроме того, аналогичное совпадение прослеживается и дальше, хотя и в более общих — для хозяйства и материальной культуры — чертах, а также в религии, искусстве.

1) В хозяйстве — это охота, собирательство и отчасти рыболовство в тайге как основное занятие.

2) В соответствующей этому хозяйственно-бытовому укладу материальной культуре: а) жилище: чум с очагом из камней, крытый дерюж. шкурами или берестой; б) производственный инвентарь: лодки-

берестянки, костяные рыболовные крючки характерной формы, костяные рыбы-приманки типа так называемой «каяда» и многое другое.

3) В социальном строе — уже в глазковское время проявляются основные черты патриархально-родового общества эвенков, имущественное неравенство, рабы, межродовые войны.

4) В искусстве — прямолинейная геометрическая орнаментика, схематизация и условная трактовка объекта, «остроголовые боги». Это была уже подлинная материнская почва искусства лесных племен современной Сибири.

Рис. 4. Тунгус. Рисунок из книги Георги (XVIII век)

эвенков (охра в могилах и предание о Хеладан, рисующее представления об охре как крови мертвых, восточная ориентировка неолитических костяков и поясняющие ее тексты обращений к духам — проводникам умерших, речная ориентировка умерших в энеолите и представления о «реке мертвых» у эвенков, а также непонятное, на первый взгляд, для исследователей отражение в религии современных олневодо-эвенков рыболовного быта, объясняющееся важным значением рыболовства в жизни их предков на энеолитической стадии).

Таким образом, следует признать, что основные черты того этнографического комплекса, который характерен для тунгусских племен Прибайкалья, и их антропологический тип уже почти полностью были представлены в пределах этой территории в глазковское время, т. е. около трех-четырёх тысяч лет назад (примерно 1700—1300 гг. до н. э.).

Достаточно взглянуть, с одной стороны, на орнаментацию глиняных сосудов из Улан-Хады или костяных изделий из могильников серовского времени, чтобы увидеть, насколько близки они по общему своему стиливому характеру и композиционному духу к тем оригинальным украшениям, которые придают такой своеобразный облик древней тунгусской одежде, представленной в наших музейных собраниях богатыми наборами передников, «фраков», шапок и обуви. Особенно показательны в этом смысле наиболее ранние коллекции, собранные еще в XVIII — начале XIX века, хранящиеся в Музее антропологии и этнографии Академии Наук СССР в Ленинграде¹¹.

5) В области идеологии: уже в энеолите существовала сложная и развитая религия, в которой много общего с позднейшим шаманизмом, особенно эвенков. Судя по погребениям, в Усть-Уде и у д. Аносово тогда уже появились шаманы с их характерным облачением. Многие неолитическое погребальное ритуале разъясняется верованиям

¹¹ См. Г. М. Василевич, Тунгусский нагрудник у народов Сибири, стр. 42—

Отсюда следует и второй вывод — о том, что эти тунгусские племена так или иначе являются прямыми потомками и наследниками культуры не только самих «глазковцев», но и их более отдаленных предшественников — вплоть до позднего палеолита, так как в нашем распоряжении имеются все фактические основания, подтверждающие преемственность культурно-этнического развития в Прибайкалье от палеолита до глазковской стадии, и пока нет никаких данных, которые свидетельствовали бы обратное. Предки тунгусов и родственных им лесных племен Прибайкалья являются, следовательно, первоначальниками этой страны на протяжении по крайней мере тридцати тысяч лет, ее автохтонами.

Изложенные выше антропологические, археологические и этнографические доводы, свидетельствующие о том, что родина тунгусских племен и, очевидно, некоторых других родственных им народов, в том числе юкагиров, помещалась в области их современного распространения, находятся, однако, в резком противоречии с господствовавшими прежде у нас и до сих пор господствующими в буржуазной науке за рубежом взглядами на древнейшую историю тунгусов. Согласно этим последним взглядам, родину тунгусских племен следует искать не в районе Байкала, а гораздо южнее — по крайней мере в Северном Китае, откуда они впоследствии мигрировали на север.

Новейшие и наиболее модные построения этого рода развивал антрополог и этнограф С. М. Широкогоров, признанный на Западе и в Америке самым авторитетным тунгусоведом¹². Одним из основных доводов за южное происхождение тунгусов, по словам Широкогорова, является их одежда: «Этнографические данные, касающиеся северных тунгусов, во многих случаях указывают, — говорит он, — на южное происхождение этого племени». «Тунгусская одежда не вполне приспособлена к сибирскому климату: знаменитая тунгусская открытая одежда не может служить достаточной защитой против холода, как служит этому платью других палеазиатов: передник, с недавнего времени носимый всеми тунгусами, как мужчинами, так и женщинами, покрывает только нижнюю часть груди и живота».

Второй древний элемент тунгусской материальной культуры, указывающий на появление тунгусов с юга, по его словам — простой, не рефлексирующий, лук.

Третий такой элемент, на этот раз уже не вынесенный тунгусами в готовом виде из их южной прародины, а изобретенный на месте в процессе быстрого и невольного приспособления к новому суровому климату, — наглазники для защиты от яркого солнечного света, раздражающего глаза весной: «Приспособление тунгусов к их сибирскому окружению, — заявляет Широкогоров, — нашло себе также выражение в том, что они заимствовали или изобрели наглазники, безусловно необходимые людям, не привычным к весеннему солнечному свету, который настолько сильно отражается снегом, что глаза начинают страдать от особого воспаления, которое иногда продолжается долго после окончания этого времени года... Факт наличия наглазников очень интересен как прием этнического приспособления к новому окружению. Очевидно, что если племенная группа является автохтонной и очень долгое время живет в известных условиях, она во всех отношениях должна приспособиться к этим (новым) условиям. Поэтому, я склонен видеть в наглазниках прямое указание на южную или, по крайней мере, бесснеж-

¹² Эти взгляды развивались Широкогоровым в следующих сочинениях: «Anthropology of Northern China», Shanghai, 1923; «Social Organisation of the Manchus», Shanghai, 1924; «Ethnological Investigations in Siberia, Mongolia and Northern China», The China Journal of Science and Arts, vol. I, No. 5—6, Shanghai, 1923, стр. 513—533; «Northern Tungus Migrations in the Far East (Goldi and their ethnical affinities)», The Journal of the North. China Branch of the Royal Asiatic Society, vol. LVII, 1926.

ную родину тунгусов, отчасти мутацией уже приспособивших свои глаза к новой сфере, сдвигая веки, что теперь и является защитой для глаза, благодаря остающейся очень узкой щели. То же самое явление, но в более слабой степени, наблюдается ныне у ранних русских поселенцев в Сибири. Наглазник известен также чукчам и ряду других сибирских племен. Многие из них,— думается мне,— переселились с юга»¹³.

Последний довод Широкогорова, свидетельствующий, по его словам, о южном происхождении тунгусов, относится к области их психологии: «Другое интересное указание на южное происхождение северных тунгусов можно усмотреть в их психической неустойчивости и в их предрасположении к нервным и психическим расстройствам, на что было указано Э. Хентингтоном. Заметим еще, что тунгусы, как северные, так и южные, повидимому, не привычны к морю, которое их явно не привлекает, и представляются типично сухопутным народом, привыкшим только к суше. Фактически не известно ни одно тунгусское племя среди настоящих моряков Дальнего Востока».

Поставив перед собой вопрос о том, где именно мог сложиться этот «этнографический комплекс», Широкогоров рассуждает: «Если мы поищем такую местность на юге, то мне кажется, что по сравнению с Маньчжурией или, выражаясь грубо, пространство к северу от 45° сев. широты, и юго-восточная часть южной Маньчжурии — район, представляющий колыбель маньчжур,— не может считаться местом, где мог бы возникнуть южный этнографический комплекс, потому что температура доходит там до —40°, весной там масса снега и т. п., так что народ южан едва ли мог бы процветать при таких условиях. Тут климат гораздо больше похож на сибирский, особенно в северо-западной части, чем на какой-либо другой климат. С другой стороны, южная часть Маньчжурии представляет собой узкую полосу, ограниченную мерем и горами Большого Хингана, составляющими восточный конец холодного Монгольского плоскогорья. Ее климат, хотя гораздо более мягкий, чем климат северной Маньчжурии, все же является еще слишком холодным для того, чтобы считаться южным. Единственный район с мягким климатом, могущий быть признанным за достаточно обширное для образования самостоятельной этнической единицы пространство, это тот, который образуется низменностями и возвышениями Северного и Центрального Китая, т. е. местности по средним и частью по нижним течениям рек Желтой и Голубой. Это пространство, представляющее собой географическое, в территориальном и климатическом отношении замкнутое, целое, удовлетворяет требованиям, необходимым для создания племенных единиц, живущих на суше охотой. Если остановиться на этом предположении, то ряд проблем без труда находит свое разрешение».

«Найдя», таким образом, путем пустых логических умозаключений воображаемую прародину тунгусов в Северном Китае, Широкогоров пытается подтвердить свою гипотезу антропологическими данными, будто бы указывающими на былую связь тунгусов именно с этой территорией.

Широкогоров начал с того, что путем спекулятивных операций, на основании искусственных и абстрагированных сочетаний признаков, выделил в современном населении Китая ряд типов, в том числе «тип гамма» — основной, по его словам, для тунгусов, являющихся, однако, как и китайцы, тоже своего рода «амальгамой антропологических типов». Отсюда он делает вывод о том, что предки тунгусов обитали прежде именно на территории Северного Китая, в бассейне рек Желтой и Голубой, а на западе от них жили китайцы. К концу III тысяче-

¹³ S. M. Shirokogoroff, *The social Organisation of the Northern Tungus*, Shanghai, 1929

летия или в начале II тунгусы под давлением китайцев в несколько приемов отступили сначала в Маньчжурию и на Амур. Пройдя область палеоазиатских племен, истари обитавших там, они достигли затем Восточной Сибири. По дороге тунгусы заимствовали у аборигенов Севера оленеводство. То обстоятельство, что тунгусы пошли на Амур и оттуда на север, а не в Приморские области, Широкогоров объясняет тем, что в последних обитали сильные и сплоченные палеоазиатские племена, не пустившие туда тунгусов¹⁴.

Критически рассматривая доводы и схему Широкогорова, нетрудно убедиться в их полной неосновательности.

Совершенно необосновано фактами и противоречит здравому смыслу, например, уже первое и основное его положение — о «южном» якобы типе тунгусской одежды. По Широкогорову получается, что непрактичная и совершенно нецелесообразная одежда существует в силу инерции не менее 4 тысяч лет. Тунгусы предпочитают мерзнуть, испытывать жестокие страдания, но не перенимают у палеоазиатов их подлинно арктических одежд, всецело приспособленных к суровой сибирской природе.

Даже наивные путешественники XVIII в. склонны были смотреть на этот факт несравненно более здраво; они указывали на любовь тунгусов к своему платью, на то, что «они любят свободное, легкое и распашистое и странное, на наш взгляд, платье». Такая «любовь» тунгусов к своему платью объясняется условиями их подвижного бродячего быта, жизнью таежного охотника, где все, что составляет бытовой инвентарь, вплоть до крыши и стен жилья, всегда готово к перевозке, а потому легко, портативно и не связывает передвижения по тайге. Идеальным костюмом оленного и пешего охотника в тайге и был старинный тунгусский костюм, легкий и распашной, не стеснявший охотника на бегу. Зимний костюм палеоазиатов, мешковатый и даже двуслойный, наоборот, великолепно приспособлен к их оленеводческому быту в тундрах и в особенности к жизни оседлых приморских зверобоев, охотников на моржей и на тюленей. В тайге же такой костюм для охотника был бы совершенно ненужен и даже вреден, так как стеснял бы его движения.

Возникновение столь «странного» с первого взгляда, такого необычного, с точки зрения европейца, «тунгусского фрака», поражающего своей легкостью и изяществом, в действительности является, таким образом, прямым следствием сложения быта аборигенных лесных охотников в тайге Прибайкалья, а не результатом прихода пратунгусов с реки Желтой. Историю этого костюма можно здесь проследить, начиная с серовской стадии неолита ангаро-ленской тайги, когда впервые наблюдаются следы шапочек, унизанных раковинными бусами, полное же развитие его устанавливается уже в энеолите, когда широко распространяются нагрудники, унизанные бусами из перламутра.

Гипотеза Широкогорова о возникновении снежных очков — наглазников вследствие того, что тунгусы являются новейшими пришельцами в Сибири и потому нуждаются в защите глаз от яркого весеннего света, отбрасываемого ледяной корой подтаявшего сверху снега — наста, имеет тот же наивный и бездоказательный характер, что и его домыслы о возникновении тунгусской одежды. Ей противоречит прежде всего широкое распространение таких наглазников у всех, без исключения, северных народов Сибири, доказывающее древность таких очков, не говоря уже о том, что подобная теория не выдерживает никакой критики с чисто физиологической и биологической точки зрения, так как все, без исключения, коренные жители крайнего Севера одинаково реагируют на ослепительно яркое весеннее отражение солнечных лучей зер-

¹⁴ См. С. М. Широкогоров, Указ. раб.

кальной поверхностью наста и употребляют одинаковые способы предосторожности против вредного воздействия этих лучей. Тунгусы вовсе не являются здесь каким-то исключением.

Утверждение Широкогорова о «южных», не рефлексирующих, типах лука основано на отдельных фактах и тоже не имеет никакой цены, что станет особенно ясным, если учесть широкое распространение именно сложных луков у всех тунгусских племен, как это видно даже из работы Адлера о сибирских луках и приложенной к ней карты. Наконец, наличие простого лука вообще есть не признак расы или этноса, но определенной степени технического развития лука, а в целом ряде случаев древние формы, как простейшие, уживаются с более совершенными. Таковы и образцы лука «южного» типа у тунгусов, которые по их простоте может изготовить для своих нужд любой охотник, тогда как сложный лук есть результат длительного труда мастера-специалиста и произведение своеобразного высокого искусства.

Не может быть принято всерьез и последнее утверждение Широкогорова о какой-то особой «психической неустойчивости» и связанной с ней «склонности» тунгусов к шаманству как о прямом и бесспорном доказательстве южного происхождения тунгусов. Такая «неустойчивость» и «склонность» к шаманству связаны с определенными социальными условиями прошлого и вовсе не характерны для всей тунгусской народности в целом. Кроме того, они ни в коем случае не были в старину у сибирских народов особенностью одних только тунгусов: шаманство существовало фактически у всех без исключения сибирских племен.

Что же касается «антропологических доводов» Широкогорова, то в свое время еще Е. М. Чепурковский, антрополог-специалист, а не дилетант, как Широкогоров, со всей ясностью опроверг его построения как основанные на порочной и антинаучной методике, на искусственных и тенденциозных комбинациях признаков. Как показал Чепурковский, выделенные Широкогоровым типы не соответствуют действительности и основанные на них выводы не могут быть использованы в научном исследовании.

Тем не менее, появление работ Широкогорова сразу же встретило сочувственные отклики на Западе у сторонников реакционной культурно-исторической школы, объединенной вокруг журнала «*Anthropos*», так как Широкогоров в силу своих реакционных политических взглядов шел навстречу их «теориям». Католические этнологи этой венской школы полностью приняли концепцию Широкогорова о былом проживании тунгусов в Китае и широко рекламировали ее в своих работах. Особенное внимание взглядам Широкогорова уделил Копперс, второй после Вильгельма Шмидта лидер венской католической «школы». Копперс с полной ясностью показал, чем именно привлекла внимание его единомышленников точка зрения Широкогорова на прошлое китайцев и тунгусов, почему они встретили ее так восторженно.

Стремясь доказать, что материнский род и матриархат явление не всеобщее, свойственное лишь определенным культурным кругам, в статье о пережитках матриархата в Китае он специально останавливается на критике эволюционистских представлений А. Конради о прошлом Китая. Основные пороки этой школы своятся, по мнению Копперса «к эволюционистским взглядам на историю культуры», «к представлению о глубокой древности и всеобщности матриархата» и к «догматическим утверждениям об автохтонности китайской культуры»¹⁵. Все эти «догмы», в особенности последняя, теперь, т. е. после работ Широкогорова, якобы не только «сильно поколеблены», но и «прямо разрушены»

¹⁵ W. Koppers, Die Frage des Mutterrechts und des Totemismus im alte China, «*Anthropos*», XXV, 1930.

наибольшими исследованиями», — пишет Копперс и ссылается затем на другую свою работу «Тунгусы и мяо», где дано сжатое изложение построений Широкогорова¹⁶. Оставляя в стороне вопрос о матриархате, остановимся здесь только на том, как Копперс «освещает» проблему происхождения тунгусов. Концепцию Широкогорова по ее удельному весу Копперс ставит здесь наравне с результатами работ Андерсона, открывшего древнейшую, неолитическую культуру в Северном Китае.

Копперс считает «доказанным», что родина тунгусов находилась не на Алтае, как думал Кастрен, и не на Амуре, как полагал Шренк, а в Северном Китае, куда будто бы и ведут все нити, находящиеся в руках Широкогорова, т. е. тип гамма как прототунгусский компонент в антропологическом составе современных китайцев, а также непрактичная для севера раскрытая спереди и короткополая одежда, по своему крою аналогичная европейскому фраку. Со своей стороны Копперс обращает внимание на важную роль, которая в тунгусском шаманстве принадлежит змее, в том числе будто бы боа-констриктору (?!), почитание которого было принесено с юга, из Индии и Южного Китая. Не менее существенны с этой стороны, по мнению Копперса, и отмеченные еще Гикишем в его магистерской диссертации о тунгусах черты сходства тунгусского культа неба с древнекитайской государственной религией — конфуцианством¹⁷.

Тунгусский культ неба ничем не ближе, однако, к конфуцианскому, чем такой же культ у всех других народов Сибири, не исключая чукчей. Культ змей точно так же не составляет особенности тунгусского шаманства и не служит признаком южного происхождения.

Центр тяжести этой работы Копперса лежит в утверждении о ближайшем родстве тунгусов и одного из аборигенных племен Южного Китая — мяо. Предполагая, что мяо остались в Китае как обломок пра-тунгусов и столь же далеко ушли на юг под давлением настоящих китайцев, как их собратья тунгусы — на север, Копперс считает, что тунгусы и мяо одинаково стоят в ряду выделенных им «пракультур» («Urkulturen»), так как являлись примитивными охотниками, рыбаками и собирателями, не знали экзогамии и были прамонотеистами по своей религии. Основным и «окончательным» доказательством родства тунгусов с мяо Копперс считает наличие у последних пресловутого тунгусского «нагрудника» как части одежды, открытой спереди и приспособленной к теплему климату юга Китая. На самом деле «нагрудник» мяо, как и «нагрудник» северных китайцев, о котором писал еще Широкогоров, ни по виду, ни по назначению не имеет ничего общего с тунгусским. Одежда мяо — типичная одежда жителей южных стран и не может быть сравниваема с одеждой лесных охотников субарктики.

«Антропологические доказательства» близости тунгусов и мяо Копперса тоже не имеют и тени научности, они являются совершенно необоснованными, голословными утверждениями. В действительности же, как окончательно выяснено советским исследователем Н. Н. Чебоксаровым, жители южных областей Китая входят в особую южноазиатскую группу монголоидов, которая связана «с экваториальными вариантами человечества». От прямого контакта с носителями того антропологического типа, представителями которого являются тунгусские племена Сибири, она отделена областью расселения второй древней группы монголоидов, восточно-азиатской или дальневосточной, центр распространения которой находится в Северном Китае. Ни о каком тождестве пред-

¹⁶ W. Koppers, Tungusen und Miao, Mitteilungen der Anthrop. Ges. in Wien, Bd. LX, 1930.

¹⁷ См. К. Нiekisch, Die Tungusen, Dorpat, 1879, стр. 107.

ставителей южно-азиатских монголоидов, с одной стороны, и северо-азиатских, разумеется, при этом не может быть и речи¹⁸.

Статьи Кошперса интересны, таким образом, не «новыми доводами», а той откровенностью, с какой он раскрывает реакционные тенденции, руководящие сторонниками культурно-исторической школы в их фальсификаторской «работе» над вопросами этногонии тунгусских племен, с одной стороны, и китайцев,— с другой.

Следует отметить также, что со стремлением представителей «культурно-исторической школы» вывести тунгусов из Китая естественным образом связаны и их попытки доказать, что тунгусы не были в древности оленеводами, не изобрели, а заимствовали оленеводство у тех северных племен, с которыми встретились по пути на новые места, с юга на север. Так, например, Ф. Флор развивает заимствованную в основе от В. Г. Богораза мысль о существовании в древности особого «протосамоедского культурного круга», охватывающего не только всю Северную Азию, но и весь север Прибалтики, которому, как утверждал О. Менгин, принадлежат «костяные культуры» типа Кунда и культура гребенчатой керамики. Центром этого «круга», по его словам, были Саянские горы. В нем будто бы и возникло оленеводство. Тунгусское оленеводство Флор считает более молодым, чем протосамоедское, т. е. саяно-алтайское, и не принадлежащим к собственно тунгусской южной пракультуре.

Основным же источником и базой для тунгусской пракультуры была, по его словам, «культура рогожной керамики» китайского неолита (т. е. культура Яншао, с характерным для последней свиноводством и земледелием)¹⁹. К этому древнему культурному пласту свиноводов и земледельцев юга, по его словам, будто бы восходят и характерные для тунгусов «постройки на сваях», так как «древнейшим центром неолитической культуры свайных построек были прежде очень болотистые области Среднего Китая».

Рядом с исходным свиноводческо-земледельческим пластом Флор, впрочем, ставит и другой культурный пласт, по его мнению, тоже принимавший участие в образовании тунгусской южной культуры,— чисто охотничью высокую культуру, тотемический «Jäger-Schicht», на этот раз уже не матриархальный, а патриархальный с самого начала, имеющий центральноазиатское происхождение. Но при всем том, основой тунгусской культуры была, по его утверждению, именно свиноводческо-земледельческая матриархальная культура Среднего Китая неолитической эпохи. В этих утверждениях Ф. Флор исходит из общих построений О. Менгина о свиноводческой культуре китайского неолита и о мнимой верхнепалеолитической «костяной культуре», носителем которой будто бы являлась не существующая в действительности «урало-алтайская раса», куда входят и гипотетические оленеводы-протосамоеды²⁰.

Развернутая критика взглядов Менгина не входит в наши задачи. Достаточно сослаться на работы В. И. Равдоникаса, в которых обстоятельно разобраны положения Менгина и показано, что все его фальсификаторские приемы имеют своей целью пропаганду расовой теории и, в

¹⁸ См. Н. Н. Чебоксаров, Основные направления расовой дифференциации в Восточной Азии, Труды Института этнографии АН СССР, Новая серия, II, М.—Л., 1947; его же, Северные китайцы и их соседи. «Краткие сообщения» Института этнографии АН СССР, V, 1949, стр. 66.

¹⁹ Fritz Flor, Zur Frage des Renntiernomadismus, Mitt. d. Anthrop. Ges. in Wien, Bd. LX, 1930, стр. 293—305; его же, Haustiere und Hirtenkulturen. Kulturgeschichtliche Entwicklungsumrisse, Wiener Beiträge zur Kulturgeschichte und Linguistik, Veröffentlichungen des Instituts für Völkerkunde und der Universität Wien, I, 1930, стр. 105, 123—130.

²⁰ См. O. Menghin, Zur Steinzeit Ostasiens, P. W. Schmidt-Festschrift, Wien, 1928; его же, Weltgeschichte der Steinzeit, Wien, 1931; его же, Weltgeschichtliche Rolle der Uralaltaischen Völker, Archäologiai Ertésito, XLII, 1928, стр. 289—310.

конечном счете, политических установок фашизма²¹. Таковы же цели отмеченных выше реакционных археологов и этнографов Запада, смыкающихся с Менгином и Широкогоровым во взглядах на судьбы эвенков и их взаимоотношения с древними китайцами.

Что же касается конкретного вопроса о древности и происхождении тунгусского оленеводства, то, если даже и признать его заимствованным в относительно позднее время от других племен Сибири, это не может служить доказательством южного происхождения тунгусов. Напротив, как устанавливается советскими исследователями, оленеводческой культуре лесных племен Сибири естественным образом предшествовала другая, более архаическая, уходящая своими корнями в глубину каменного века культура пеших охотников и рыболовов. Существование такой культуры устанавливается при этом не только в результате археологических исследований, но и на основе прекрасно дополняющих их специальных этнографических исследований, целиком подтверждающих выводы, сделанные на археологических материалах²². Именно эта древняя культура лесных охотников, а не земледельческо-скотоводческая («свиноводческая») культура Яншао Северного Китая и лежит в основе исконной тунгусской «пракультуры». Ни о какой земледельческо-скотоводческой культуре предков тунгусских племен не может, следовательно, быть и речи, как не может быть и речи о какой-то деградации их культуры в результате переселения из южных областей Азии (т. е. конкретно — из Китая) на север²³.

Культура Яншао не может быть «пратунгусской» уже по одной той причине, что Г. Андерсон и другие исследователи неопровержимо доказали связь ее с современной китайской. Исследователи эти установили, что ее носители были прямыми предками современных китайцев как во всей своей культуре, так и по антропологическому облику.

Аналогичный вывод мы должны, следовательно, сделать и в отношении тунгусов, но уже как прямых и непосредственных потомков древнейшего населения Прибайкалья, носителей местной неолитической культуры. Отсюда не следует, конечно, что этим выводом полностью решается вся проблема этногенеза тунгусских племен и их конкретно-исторических взаимоотношений с другими племенами и народностями соседних с Прибайкальем областей Сибири и более отдаленных стран.

Специальные лингвистические исследования Г. М. Василевича наглядно показали всю сложность этой проблемы. Как выяснила Г. М. Василевич, в сложении тунгусской народности или народностей принимали участие различные древние племена — носители по крайней мере восьми главных этнонимов, в то же время так или иначе вошедших и в состав других народностей — тюрков, монголов, самоедов и, повидимому, палеоазиатских племен. Г. М. Василевич полагает, что коренной тунгусской основой явились племена эджен и эвен. Очень рано, по ее словам, вошли в состав будущих тунгусов — эвенков племена группы

²¹ В. И. Равдоникас, Энгельс и проблема происхождения скотоводства в Европе, «Вопросы истории доклассового общества», Сборник статей к 50-летию книги Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства», Труды Института антропологии, археологии и этнографии АН СССР, т. IV, М.—Л., 1935, стр. 545—547.

²² См. М. Г. Левин, О происхождении и типах упряжного собаководства, «Советская этнография», 4, 1946; его же, К проблеме исторического соотношения хозяйственно-культурных типов Северной Азии, «Краткие сообщения» Института этнографии АН СССР, II, 1947, стр. 84—86. Ср. «Обзор прений по докладам на совещании по этногенезу народов Севера (28—29 мая 1940 г.) «Краткие сообщения ИИМК», 1941, стр. 129—130; ср. А. П. Окладников, «Краткие сообщения» Института этнографии АН СССР, 1946—1947 гг., вып. I, II, III, «Известия АН СССР, Серия философия и философия», т. IV, № 6, 1947, стр. 571.

²³ Следует отметить, что к аналогичным выводам, хотя и на других, лингвистических и историко-этнографических материалах, пришел и Е. М. Залкинд («Кидане и этнические связи», «Советская этнография», 1948, I, стр. 61).

«бай», генетически связанные с Западной Сибирью. На юге предки тунгусов соприкасались с тюрко- и монголоязычными племенами дул ~ дол. На востоке в состав тунгусов вошли ассимилированные ими племена килен и булдэ, аборигены Приамурья, а также племя кимо ~ кима, на Ангаре — тюркоязычные в первом тысячелетии нашей эры курэ (кури, фури, курыканы).

Эти выводы, сделанные на основе лингвистического материала, в существенных своих чертах подтверждаются археологическими данными. Мы знаем теперь, что отмеченный выше процесс протекал в области Прибайкалья и дал определенные результаты уже в то отдаленное время, когда вокруг Байкала жили носители глазковской культуры. Это и должны были быть в первую очередь те древние племена «эвен» и «эджен», о которых свидетельствуют лингвистические данные.

Имеются в распоряжении археологов и такие факты, которые позволяют сделать определенные заключения об этнографическом своеобразии древнего, неолитического населения соседних с Прибайкальем территорий — Дальнего Востока, Западной Сибири, отчасти Якутии, а также и о связях его с современными племенами этих областей, на чем мы предполагаем подробно остановиться в следующей нашей статье.

Все это существенно изменяет положение дела в данной области сибирской археологии, открывает перед советскими исследователями новые широкие перспективы, чуждые и недоступные, как было показано выше, реакционным буржуазным археологам и этнографам. Если раньше археологи были замкнуты в узком кругу своих вещественных памятников, жили в мире мертвых типологических серий и абстрактных культурных комплексов, то теперь они выходят в реальный мир живых людей прошлого, в настоящую конкретную историю каменного века